

(букв.: держать голодный живот) (стр. 137).

10. Ввиду многих точек соприкосновения следовало бы синонимию (стр. 195 и сл.) и вариантность фразеологизмов (стр. 235 и сл.) рассматривать вместе или параллельно. Было бы полезнее, если бы трактовка синонимии имела более обобщенный характер (все синонимы пересчитать в диссертации все же невозможно!). Не совсем точно говорить о вариантности как о своего рода «слабости» устойчивости фразеологических единиц (стр. 254), ведь все варианты сами — устойчивые словосочетания. Вариантность в фразеологии — своеобразный синтез изменчивости и устойчивости, дающий фразировке фразеологизма известную гибкость и удовлетворяющий разные стилистические потребности (иногда даже и потребности семантической дифференциации) и т. д.

Специально следовало бы обратить внимание на отношение сложного слова и словосочетания (фразеологизма), поскольку границы этих категорий в мордовских языках иногда не очень четки. Явную пользу принесло бы диссертации и более широкое использование теоретической литературы. Имеются в виду вышеупомянутая монография азербайджанского лингвиста М. Т. Тагиева о так наз. ме-

тоде по окружению, некоторые интересные статьи зарубежных лингвистов, в том числе и представителей новых направлений в языкознании (см. J. G. Koopij, *Compounds and Idioms*. — *Lingua* 21 1968, стр. 250 и сл.; L. Chafe, *Idiomatity as an Anomaly in the Chomskyan Paradigm*. — *Foundations of Language* 4 1968, стр. 109 и сл., и др.). Новые идеи и методы описания фразеологической системы полезны и для «классической» трактовки фразеологии. Ведь диссертант подчеркивает, что фразеологическую систему языка надо изучать всесторонне!

Все приведенные выше критические замечания не снижают общей оценки работы. Диссертация, несомненно, представляет собой содержательное исследование по фразеологии мордовских языков. Поскольку работа представляет большой интерес для широкого круга лингвистов, а также всех лиц, интересующихся вопросами фразеологии, один из оппонентов (Ф. Вакк) считает весьма желательным опубликование ее после тщательной редакции и устранения неточностей. Это мнение поддержал в своем небольшом выступлении и заведующий сектором мордовских языков Мордовского научно-исследовательского института кандидат филологических наук И. С. Бузаков.

ФЕЛИКС ВАКК (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1971.1.12>

Р. Н. Бузакова, Синонимия мордовских языков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1970.

5 июня 1970 г. на Ученом совете историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации младшим научным сотрудником Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР Рансой Николаевной Бузаковой на тему «Синонимия мордовских языков». Официальными оппонентами свою оценку работе дали доктор филологических наук П. Алврэ (Тарту) и кандидат филологических наук В. Д. Обьедкин (Саранск).

Р. Н. Бузакова посвятила свое исследование, занимающее 432 стр. машинописи, не изученной до сих пор в мордовских языках проблеме, а именно лекси-

кальной и грамматической синонимии мордовской речи. Тема диссертации актуальна во всех отношениях и имеет большое теоретическое и практическое значение. Следует подчеркнуть, что аналогичных трудов по синонимии других финно-угорских языков еще нет. Несмотря на то что внимание автора сосредоточено только на мордовских языках, результаты работы представляют интерес и имеют значение и для исследователей других финно-угорских языков.

Диссертация по своему построению отличается системностью и логичностью. Она состоит из введения, трех глав, выводов и приложения.

Во введении (стр. 3—16) дан анализ имеющихся в финно-угорской научной

литературе небольших работ, затрагивающих вопросы синонимии. При этом автор ссылается на русский перевод труда Л. Хакулинена «Развитие и структура финского языка», но, по-видимому, рациональнее было бы воспользоваться более поздним немецким изданием этой книги, в котором автор значительно переработал и дополнил синонимию. Полезно было бы познакомиться и со «Словарем синонимов» Ю. Кивимиэса (*Synonyymisanasto*, Helsinki 1955), во вводной части которого дан обзор основных критериев определения синонимичности значений.

Диссертация только выиграла бы, если бы ее автор ознакомились и с некоторыми теоретическими работами, например, со статьей А. П. Евгеньевой «Основные вопросы лексической синонимии» и другими в сборниках «Очерки по синонимике современного русского литературного языка» (Москва—Ленинград 1966) и «Лексическая синонимия» (Москва 1967). В работе Е. Ризела (*Statistik der deutschen Sprache*, Moskau 1959) рассматривается понятие тематического ряда. Диссертант могла бы в известных частях своего исследования опереться на данные этой работы.

В первой части диссертации (стр. 17—157) дается определение синонимов и рассматриваются различные типы лексико-фразеологических единиц. Приводимые автором критерии синонимичности (стр. 37) не вызывают возражений, но чтобы избежать ложного истолкования, следовало бы указать и на то, что находится за пределами понятия синонимичности (напр. подвиды какого-либо понятия и т. д.).

Источниками внутренних резервов синонимии автор вполне оправданно считает суффиксацию, словосложение и т. д. Удачно выделены и подгруппы фразеологических синонимов (стр. 39). Рассмотрение в диссертации слов с переносным значением свидетельствует о широком охвате темы, но возникает вопрос, не следует ли эту проблему целиком и полностью отнести в область стилистики.

Рассматривая перенос значения, автор приводит довольно удачные примеры и при этом не связывает последние с узкой сферой употребления поэтических тропов, например: *сырнень пов* 'золотая пуговица' применительно к слову *теште* 'звезда'

(стр. 67). Поскольку авторская речь носит при этом в основном описательный характер, то вопрос о влиянии другого языка вообще не поднимается. Но ведь переносное значение у слова *соламс* 'растаять' (стр. 61) то же, что и в русском языке ('исчезнуть'), поэтому данный факт нельзя, по-видимому, считать простой случайностью.

При анализе заимствований автор учитывает речевые навыки как старшего, так и младшего поколения, а также характерные особенности книжного стиля речи (стр. 77 и др.). О хорошей осведомленности автора говорит также и то, что в ходе рассмотрения своей проблемы она относится критически к словарям мордовских языков, внося в их данные свои уточнения (напр., на стр. 79 по поводу слов *маляр* и *артыця*, которые в словарях приводятся как адекватные, в действительности же это разные слова).

Хотя диссертация по своему подходу к проблеме и представляет собой синхронное исследование, в ней освещаются в какой-то степени и вопросы развития словарного состава мордовских языков, что сказывается прежде всего при рассмотрении заимствованных слов. Но нельзя при этом полностью согласиться с утверждением автора, будто заимствования являются более подходящими синонимами, чем слова родной речи (стр. 81). Не следует упускать из виду, что каждый живой языковой организм обогащается прежде всего путем максимального использования способов словосложения и суффиксации, при этом в первую очередь на базе родной для него лексики.

Касаясь проблемы синонимических рядов (стр. 83 и др.), автор приходит к достоверным выводам. Несколько преувеличенным кажется при этом лишь синонимический ряд со значением 'ударить', в котором на стр. 87 приводится свыше двадцати эрзянских слов (21 слово). Не имеем ли мы в данном случае дело с упомянутым несколько выше тематическим рядом, в котором следовало бы в зависимости от оттенков значения выделить более мелкие синонимические ряды?

В данной автором синонимической классификации учтены все существенные обстоятельства, но возникает вопрос, исходил ли автор при подобном дроблении

синонимов (на абсолютные, идеографические, экспрессивные и универсальные) из одних и тех же логических предпосылок. Нельзя согласиться с диссертантом по вопросу так наз. универсальных синонимов (стр. 152). Об универсальных синонимах не упоминается и в теоретической литературе по синонимике.

В этой части работы имеется и целый ряд интересных и правильных наблюдений. К ним относится утверждение диссертанта о том, что обилие абсолютных синонимов в мордовских языках обусловлено отсутствием строгих языковых норм и широким использованием диалектизмов, а также заимствований из русского языка (стр. 109). Однако лишь отчасти можно согласиться с утверждением, будто диалектные слова с течением времени становятся абсолютными синонимами, так как при этом не учитывается возможность появления различных по значению вариантов. Вместе с тем, думается, что введение строгих языковых норм приведет с течением времени не к увеличению числа абсолютных синонимов (как считает диссертант), а наоборот, к их сокращению, подобно лексическим системам других культурных языков (русского, английского, французского и др.).

Во второй главе (стр. 158—314) дана классификация лексических синонимов с точки зрения их принадлежности к определенной части речи.

Ценным следует считать наблюдения автора о синонимии глаголов. В отличие от М. Н. Коляденкова, Р. Н. Бузакова справедливо отмечает, что «парный глагол имеет новое значение, несовместимое с его компонентами» (стр. 247). Этот раздел диссертации представляет интерес для финно-угроведения в целом, так как вопрос образования и употребления парных глаголов недостаточно изучен и в других языках этой группы.

Касаясь проблемы утраты конечного звена парных глаголов, автор говорит, что «оно утратило свое значение, а следовательно и вышло из употребления» (стр. 259—260). Это утверждение еще не дает ответа на вопрос, почему это произошло не во всех, а только в части глаголов. Здесь следовало бы не упускать из виду аллитеративную структуру таких парных глаголов, как *якамс* — *пакамс* 'ходить', *карсемс* — *кирнемс* 'одеться' и других, что

позволяет проводить анализ в другом направлении.

Подробно изложена и изучена также синонимия местоимений и послелогов. Но на стр. 185, рассматривая местоимения *минь* 'мы' и *мон* 'я', автор в качестве синонимов этих слов приводит и такие случаи, как отсутствие местоимений и выражение их значения соответствующей формой глагольного окончания. В данном случае вернее было бы говорить о синонимии глагольных форм, заменяющих отсутствующие в фразе местоимения.

Отметим попутно, что местоимение *мень* автор производит от формы *мезень* (стр. 206), но ведь здесь возможно и сохранение исходной формы *ме*, с которой еще не слилось местоимение *se*.

В третьей главе (стр. 315—370) рассматриваются синонимические суффиксы, различные способы образования превосходной степени прилагательных, падежные формы, а также замена тех или иных временных форм глагола. Разработка этой главы не доведена до конца. Но даже и при таком конспективном изложении данных создается известное представление о возможностях образования морфологических синонимов в мордовских языках.

Большей основательности анализа могло бы способствовать обращение к фактам истории языка. Так, хотелось бы, чтобы в связи с рассмотрением тождественных форм *педа-пес* и *песта-пес* 'от конца до конца' и других было дано разъяснение относительно истории и времени появления падежных окончаний *-да* и *-ста*. Не рассмотрена в целом и богатая система глагольной суффиксации. Возникает вопрос, можно ли в связи с продуктивностью аналитических выражений говорить о влиянии именно русского языка (например, при замене старого эрз. *кудасто* 'из дома' более поздними *кудонть* *эйстэ* и *кудонть потесто*) и т. д. Не соответствует действительному положению дела (на стр. 351), будто *туда* и *туда-но* 'уйдем' являются формами будущего времени. Как и в других финно-угорских языках, по форме это неизменно настоящее время.

Приведенные в приложении (стр. 380—412) синонимические ряды — их около 700 — могут послужить хорошей базой для составления словаря мордовских си-

нонимов. Вместе с тем, учитывая саму проблематику, неплохо было бы дать и нечто, напоминающее регистр, с помощью которого можно во многом облегчить ознакомление с богатейшими материалами диссертации. Без такого приложения остается неясным, почему, например, в ряду слов *алаша* и *лише* 'лошадь' отсутствует слово *ракша*, хотя в работе оно упоминается. Нет и таких встречающихся в тексте послелогов, как эрз. *боксо*, мокш. *бокса* 'вблизи' (стр. 294), эрз. *удалов* — *эксис*, мокш. *фталу* — *эикс* (стр. 296) 'позади', и целого ряда других.

В иных случаях автор приводит диалектизмы очень узкого территориального употребления. При этом совершенно опу-

щен в диссертации анализ числительных и междометий. В работе не указывается вместе с тем, насколько употребительны в мордовских языках фонетические синонимы.

В выводах хотелось бы видеть более систематичный подход к сопоставлению эрзянских и мокшанских языковых данных.

Все эти недочеты никак не снижают в основном большого практического и теоретического значения диссертации Р. Н. Бузаковой. Ее работа представляет собой методически цельное, богатое новыми данными исследование.

ПАУЛЬ АЛБЭ (Тарту)

DER DRITTE INTERNATIONALE FINNOUGRISTENKONGRESS (TALLINN, 17.—23. VIII. 1970)

Der Dritte Internationale Finnougristenkongress wurde auf lange Sicht von einem sowjetischen Organisationskomitee vorbereitet, und zwar den Traditionen und Beschlüssen der Kongresse von Budapest (1960) und Helsinki (1965) gemäß. Dabei wurden sein konkretes Programm, seine Teilnehmer, die Struktur seiner Sektionen und seine Veranstaltungen festgelegt (s. СФУ VI 1970 I, S. 79—80). Zur Vorbereitung des Kongresses trugen die Reisen der Vertreter des sowjetischen Organisationskomitees (P. Ariste, E. Sögel, P. Kokla, H. Laanpere, M. Norvik) nach Ungarn, Schweden und Finnland und die Hilfe der Kongreßausschüsse dieser Staaten (unter Gy. Ortutay in Ungarn und E. Itkonen in Finnland) oder anderer Mitglieder des internationalen Organisationskomitees (K. Vilku, B. Colinder u. a.) wesentlich bei. Vom sowjetischen Allunions-Organisationskomitee wurde die Arbeit aller sowjetischen Forschungszentren der Finnougristik koordiniert. Das Kongreßsekretariat stand jahrelang im Briefwechsel mit Finnougristen aus 20 Ländern.

Zu Anfang des Kongresses erschienen außer der Teilnehmerliste und dem Arbeitsprogramm der vollständige Wortlaut der Plenarvorträge mitsamt der Eröffnungsansprache P. Aristes (СФУ VI 1970 3), die Thesen der Sektionsvorträge (Congres-

sum. Tallinn 17.—23. VIII. 1970. Thesen I, 180 S., Thesen II, 155 S.).

Der Kongress wurde am Morgen des 17. August in Tallinn eröffnet und währte programmgemäß bis zum 23. August 1970. Zum Kongress trafen 505 Menschen aus 16 Staaten ein (435 Delegierten, 45 Begleitpersonen, 25 Touristen, Studenten aus Finnland). Hinzu muß noch eine zahlreiche Zuhörerschaft in den Vortragssälen gerechnet werden. Der Zahl nach war die Delegation der UdSSR die größte (201 registrierte Vertreter aus 20 Forschungszentren und Institutionen von Tallinn, Tartu, Moskau, Leningrad, Petrozavodsk, Joškar-Ola, Syktyvkar, Iževsk, Saransk, Čeboksary, Užgorod u. a.). Von ausländischen Delegationen waren die größten die finnische (97 Mitglieder, die die Wissenschaftler von Helsinki, Turku, Tampere, Oulu, Jyväskylä u. a. Städte vertraten), die ungarische (79, Budapest, Szeged, Debrecen, Pécs). Es folgten die schwedische (13, Stockholm, Uppsala, Lund usw.), die BRD (10, Göttingen, München, Hamburg, Kiel und Marburg), die USA (7, New York, Bloomington, Los Angeles, Columbus, Austin), die DDR (6, Berlin, Greifswald, Dahlwitz-Hoppegarten). Durch 4 Gelehrte waren die Tschechoslowakei (Prag, Bratislava, Náchod, Nitra) und Frankreich (Paris, Jouy-en-Josas, Igny-Comblizy) vertreten, je 3 Delegierte kamen aus Polen (Warschau, Wrocław) und